

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108

В роли общественного защитника

Я принял решение выступить на процессе общественным защитником студента горно-металлургического института, начинающего поэта Юрия Петрова, а заодно и не обойти милосердием и его поделчиков. Для знакомства с их делом и настроением судьи Хоботнева я направился в народный суд.

Хоботнев был жесток, разговаривая со мной, даже лют: склоняюсь к защите грабителей, – и с удовольствием не скрыл от меня, что грабителям маячат крупные сроки, – мнение следствия и прокуратуры. У Хоботнева был приемный день. В приемной я встретил маму Юрия Петрова, и она познакомила меня с адвокатом Нейштадтом (я не сомневаюсь все же в точности его фамилии). Он, красивый от молодости, грусти, интеллигентности, произвел на меня душевно-упрочающее впечатление. Я сказал ему о сроках, которые маячат юношам, сказал с педантизмом на прибавление, как о чем-то ироническом: «Ведь мы живем тысячелетиями». И он, вздохнув, приобшился к иронии, но припечаленно: «...живем тысячелетиями». На суде он выступал достойно, сожалел о том, что ребятам, стихийно впадшим в групповое преступление (моя мысль), прокурор попросил от шестнадцати до двадцати четырех лет заключения.

В какой-то мере Хоботнев снизошел моей и Нейштадта позиции: Петрову и как бы его напарнику он вынес по восемь лет (сложил наполовину), а Никитину и как бы его напарнику, соответственно: двадцать два года (на год больше, чем вся его предшествующая жизнь), и девятнадцать, тоже на год больше. Мое стремление спасти ребят от безумных сроков Хоботнев расценил как беспартийное, аморальное в доносах-эпистолах Челябинскому обкому КПСС, прокуратуре и Союзу писателей области. Так вот, внутреннее этическое качество специалиста Нейштадта: не адвокат, а защитник, смиряло меня с нерасчетливым и эгоцентричным желанием моей мамы вместо трехкомнатной современной квартиры заполучить однокомнатную штамповку из железобетонных панелей.

Но оставалась психологическая тягота сложней: на такую обескураживающую скудостью книгу раньше я мигом отказался бы дать характеристику, и не испытал бы маеты. А здесь приходится метаться: как спасти свою совесть? Одна глава, маленькая, и чья?

Друг и спаситель Евгений Логинов

Таня, англичанка Татьяна Петровна, священник Танакин, согласилась переехать с двумя детьми в деревенский домик без привычных городских удобств, санаторий в полтора-двух километрах по изволу, лишь бы не пострадала моя честь. От нашего решения были далеки калужане. Секретарь промышленного обкома Ананьев напомнил по теле-

фону о ключах от квартиры рядом с драматическим театром, книжным магазином, базаром, центральной автостанцией. Помедлив, он передал привет от Сургакова и подчеркнул, что в Союзе писателей РСФСР ждут третью рекомендацию, чтобы безотлагательно рассмотреть вопрос о членстве Сергея Васильчикова. И только тогда Калуга сможет провести выборы ответственного секретаря и создать областное отделение писателей. Он надеялся, что ответственным секретарем выберут меня. Я, замордованный у себя в Магнитке чтением рукописей начинающих, их редактированием, устройством в печать, мечтал, что выберут Владимира Кобликова – известного своей земле прозаика, поэта, журналиста, стремительного организатора, весельчака, трибунного остроумца. Он всех знает, и его все знают, и всеми он обожаем, и все ему необходимы, иначе его избобильные силы просветительства будут застаиваться. Сам я, если придется переехать в Калугу, не могу выдвинуть Владимира Васильевича в ответсекретари. Кем я окажусь перед Ананьевым и доверительно-возвышенным первым промышленным секретарем Онушко Владимиром Ивановичем? Квартиру-то мне дают за отработку на должности руководителя писателей области.

Метания, сомнения, поиск выхода для сохранения жизни моих жены и сына без ущерба для собственной совести.... Я пошел к своему медицинскому другу Евгению Логинову. Он занимался докторской диссертацией с глубоким постижением бронхоаденита. Именно он обнаружил у едва родившегося Антона бронхоаденит, возникший на основе туберкулезной этиологии. В бурном гневе Логинов открыл источник: мы оберегали с Таней своего сыночка от одного навязчивого знакомого и не пускали его в детскую, но он все-таки нагло вломился туда и подышал над младенцем. И такие злодеяния подстерегают нас и наших малышей. И именно Логинов начал спасение Антона, когда у младенца еще не было болевых ощущений.

К этому времени он точно знал, как и чем лечить различные формы бронхоаденита. Я спросил Евгения, какова вероятность доли на жизнь у Татьяны Петровны и Антоши, если

я перевезу их на Банное озеро, о чем, в общем-то, он ведал раньше, и этот добрейший богатырь (лоб сверххороватский, широкой расстановки синие очирогромины, литой плотности фигура, затеянная не меньше, чем на век) застенялся: он убедил меня в том, что, ежели я хочу уберечь жизни Тани и сына, то должен их увезти, и я сделал результативные шаги к внезапной алогичности. Существование людей, жалко-жалко, словно бы определяет команда «кругОм», не по «кРуОм», не «по спирали», а «кругОм». Явление художественного типа? Он приложил ладонь к рукописи диссертации, подержал на ней и внятно потихоньку молвил: для этого

Сергей Баруздин, замечательный детский писатель, играл определенную роль в творческой судьбе Николая Воронова

труда он проанализировал три тысячи случаев местного бронхоаденита, и только единственный человек из трех тысяч дожил до двадцати одного года – у всех остальных летальный исход гораздо раньше.

На грани личного отрицания

На Банном озере радиации не меньше, чем у нас в Магнитке, так что для Татьяны Петровны город Калуга – обетованный. Его семья и моя семья тут самые дружеские. Его семья испытала бы безмерную радость, коли мы остались бы у себя на Урале. Но есть чувство значительней дружбы. Настоящая дружба – еще никак не названная самоотвержен-

ность на грани личного отрицания. Таня не могла знать, что я ходил за окончательным советом к Евгению Логинову. В тот же день, после работы в школе, она заглянула ко мне в кабинет с ласковым зовом: Вороненок. Была будто бы неисчерпаемо солнечной, по-всегдашнему. И вдруг в худенькой выстроенной учительством ее фигуре я уловил что-то несоответственное: вроде огрунения. Бледность в ее облике заметно навеивалась, и вот странное огрунение, значит, организм теряет впечатление о своей неизносимости. Перед сном, помолясь, обычно не молилась ни при детях, ни при мне, она сказала: «Надо ехать. Здесь я погибну».

Утром я написал рекомендацию

Сергею Васильчикову, подчеркнув, что повесть огорчила меня, но что лишь одна глава в ее середине обнадеживает, что он может стать литератором и что его вступление в Союз писателей, наверное, допустимо. Я не погрешил ни против истины, ни против себя. И когда при мне, в Калуге, Васильчиков прочитал рекомендацию, я понял, что навсегда обеспечил себе враждебность Сергея Александровича, даже неустойчивое ненавистничество. В его превосходном профиле гордеца, выделенном ранним пребыванием во властимущих должностях, он был уже секретарем районного комитета партии, – обострилось нечто, схожее с лезвием алебарды. На открытие Калужского отделения Союза писателей РСФСР его председатель Леонид Сергеевич Соболев отрядил рабочего секретаря, известного детского писателя Сергея Алексеевича Баруздина и консультанта, который курировал области Центральной России, прозаика, замечательного у нас зачинателя детективного жанра о пограничниках и их общественных помощниках Анатолия Викторовича Чехова. Оба рослые, яркоглазые, в костюмах, рубашечках, галстучках, предназначенных для торжеств. Оба наделенные вежливостью, улыбчивой искренностью, но и служебной строгостью, не допускающей панибратства и зажима человеческих достоинств. Зал областных исполкомов почтил своим присутствием не только верхний эшелон власти, расчлененный пополам сногшибательным реформаторством Никиты Хрущева, но и заметными представителями библиотек, книголюбов, театра и других

родов искусства. Вел торжественное собрание Ананьев. Он выразил заинтересованность руководства в создании нового творческого союза. Ораторы одобряли руководство за поддержку культурно-философского социально-исторического жанра: литературы!

Локальная демократия в миниатюре

Кое-кто из них не побоялся высказать недоумения: писательская организация создается, а областное издательство закрывается. Тула, которой передаются функции Калужского и Брянского издательств, будет тянуть одеяло на себя, в результате начнется торможение в развитии литературного подраста этих областей, а писатели-профессионалы сядут на голодный паек. Запомнилось выступление Сергея Баруздина указанием на длительную несправедливость писателям России: у них нигде не было отделений – в Союзе писателей СССР действовала лишь областная комиссия со штатом в три человека, тогда как у писателей федеративных республик были свои правления и секретариаты постоянного действия с литературными газетами, журналами, издательствами, с основательными годовыми бюджетами. Федеративным республикам, видите ли, для развития культуры все это было необходимо, а нам – нет. Эту несправедливость устранило выступление Леонида Сергеевича Соболева на встрече руководителей партии и правительства во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым и писательским активом.

Никита Сергеевич предложил создать оргкомитет Союза писателей РСФСР, после чего у нашей федеративной республики основался свой союз, разрушивший оговор, будто бы в областях и краях России, кроме Шолохова, нет художников слова. Они были и есть, и новая когорта писателей фронтового поколения показывает, что они двигают русскую литературу в небо, к солнцу. Баруздин предложил сделать перерыв для выборов ответственного секретаря. Семеро писателей Калужской области собрались в комнате президиума. Ананьев совместно с Баруздиным и Чеховым предложили мою кандидатуру, Сургаков, что было неожиданностью для всех, – Сергея Васильчикова, только что принятого секретариатом СП РСФСР в пожарном порядке, я, поскольку никто не предложил Кобликова, назвал его, хотя и обнаружил укоризну в лицах моих рекомендатель. Выбрали, увы, меня. Кобликов получил два голоса, мой и свой, Васильчиков – один, разумеется, собственный. Демократия? Да, локальная, в миниатюре, но демократия.

Никому не пришло в голову осудить меня за то, что я, внося кандидатуру Кобликова, нарушил партийную и писательскую дисциплину. Зал приветствовал мое избрание, торжественно объявленное Сергеем Баруздиным. Я выразил дежурную признательность и сказал, что моим заместителем на время отпуска, неоплачиваемого, а также в полосы творческих командировок руководить будет Владимир Кобликов. И на это хорошо отозвался зал.

Продолжение следует.

> Опирается можно только на то, что оказывает сопротивление. СТЕНДАЛЬ